

Александр Баженов

Бажаник. Семь сфер. Книга V Архитекторы Снов

Александр Баженов

**Бажаник. Семь сфер.
Книга V Архитекторы Снов**

«Автор»

2026

Баженов А. Н.

Бажаник. Семь сфер. Книга V Архитекторы Снов /
А. Н. Баженов — «Автор», 2026

Когда в ноосферу проникают прекрасные и пугающие Архитектор Снов и его слуги Ониры, герои понимают: битва перемещается внутрь самого сознания. Архитектор питается человеческими кошмарами, его зеркальная дочь Маара — ложными надеждами, а когда оба они, тронутые светом любви, пытаются измениться, против них восстают собственные творения: Эринии — безжалостные богини вины, стыда и безнадёжности. Чтобы противостоять вторжению, герои вместе с друзьями — Такшакой, Адитьей, Сингой, Архитектором и Маарой — создают в ноосфере Стражей Пробуждения: энергетических существ, сотканных из любви и света семи сфер. Но Стражи — ещё не спасители, они только учатся: различать истинную вину и ложную, превращать стыд в принятие, пробуждать надежду в самых тёмных уголках подсознания. Цитаты Фрейда и Юнга, Франкла и Роджерса, Брене Браун и других великих психологов и эзотериков переплетаются с лирическими отступлениями о любви как фундаментальной силе психики.

© Баженов А. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Оглавление	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Бажаник. Семь сфер.

Книга V Архитекторы Снов

Оглавление

Глава 1. Там, где спит разум

Алиса читает Юнга, и ей снятся странные сны: площадь, зеркало, миллионы спящих лиц и прекрасное существо, нащёптывающее кошмары. Такшака сообщает об атаке на ноосферу — сферу разума, предсказанную Вернадским. Артём проникает в сон Алисы и встречает Архитектора Снов — древнее существо, питающееся человеческим страхом. Его слуги, прекрасные Ониры, атакуют спящих. На помощь приходят Адитья, Такшака и Синга. Герои используют осознанное сновидение, чтобы дать отпор. Цитаты Фрейда, Юнга, Гойи.

Глава 2. Бунт в королевстве грёз

Ониры взбунтовались против Архитектора. У них появилась новая предводительница — Маара, женская ипостась Мары, демона-искусителя из буддийской мифологии. Она питается не страхом, а ложными надеждами, дарит людям во сне всё, о чём они мечтают, и забирает их души. Герои проникают в ноосферу и встречаются Маару на троне из кошмаров. С помощью зеркала истины и силы любви они помогают ей осознать, что она — лишь зеркало, отражающее чужие желания. Маара соглашается попробовать измениться. Цитаты Нагарджуны, Фрейда, Уайльда, Лакана, Роджерса.

Глава 3. Теневой совет

Маара предупреждает: её бывшая правая рука Салана, тень Архитектора и древнее существо Дымург (воплощение забвения) объединились в Теневой Совет. Они планируют погрузить человечество в вечный серый сон. Герои вместе с Архитектором и Маарой отправляются в глубины ноосферы, чтобы сразиться с ними. Салана атакует иллюзиями, Дымург — забвением. Архитектор встречается со своей тенью, признаёт её и воссоединяется с ней, становясь целостным. Салана и Дымург отступают. Цитаты Юнга, Анны Фрейд, Эриксона, Ялома.

Глава 4. Стражи Пробуждения

В ноосфере появляются новые Ониры — Эринии, богини вины, стыда и безнадёжности. Их предводители — Алекто, Мегера и Тисифона — не признают ни Архитектора, ни Маару. Чтобы защитить людей, Артём и Алиса вместе с друзьями создают в ноосфере Стражей Пробуждения — энергетических существ, сотканных из любви и света семи сфер. Стражи ещё только учатся: различать истинную вину и ложную, превращать стыд в принятие, пробуждать надежду. Первая битва с Эриниями. Цитаты Кюблер-Росс, Патанджали, Винникотта, Юнга.

Глава 5. Энергетическая защита

Стражи Пробуждения завершают обучение и становятся энергетической защитой сознания и снов человечества. Финальная битва с Эриниями. Люми сражается с Алекто, превращая вину в прощение. Солара сражается с Мегерой, превращая стыд в принятие. Все Стражи вместе помогают Тисифоне увидеть, что за безнадёжностью есть надежда. Три Эринии преобразуются: Алекто становится Софией (Мудрость), Мегера — Элеос (Милосердие), Тисифона — Элпис (Надежда). Цитаты Фромма, Джеймса, Кьеркегора, Франкла, Лао-Цзы.

Послесловие

О сне и разуме. О вине и прощении. О том, что тьму нельзя победить силой — её можно только осветить. О Стражах, которые теперь охраняют сны каждого человека. Цитаты Фрейда, Юнга, Франкла. Свет, который мы отдаём, не гаснет — он умножается.

Глава 1. Там, где спит разум

Год спустя после битвы в микромире

Май в яблонево́м саду́ был похож на бело-розовую метель. Лепестки кружились в воздухе, оседали на траве, на крыльце, на плечах Алисы, которая сидела под старым дубом и читала. Я стоял в дверях дома и смотрел на неё, и в груди разливалось то спокойное, ровное тепло, которое приходит только после долгих испытаний — когда знаешь, что худшее позади, а лучшее ещё впереди.

За прошедший год мы многое успели. Навещали Шамбалу — Ригден Джапо передавал привет и говорил, что лотосы в Долине Тысячи Лотосов цветут особенно пышно. Летали в Набха-локу — Савитар и Ушас учили нас новым аспектам Первого Луча, а Чхая показала, как видеть тени не только в пространстве, но и во времени. Даже в микромир заглядывали — Удд и его друзья-элементали устроили в нашу честь праздник, на котором кварки танцевали танец сильного взаимодействия, а Гравита спела песню о чёрных дырах.

Но больше всего мы любили просто быть дома. В саду. Вдвоём.

— О чём книга? — спросил я, подходя к дубу.

— О снах, — ответила Алиса, не поднимая глаз. — Юнг. «Человек и его символы». Он пишет, что сны — это послания бессознательного. Что они не просто случайные образы, а архетипические послания, которые пытаются нам что-то сказать.

— И что они пытаются сказать тебе?

— Пока не знаю. — Она отложила книгу и посмотрела на меня. Её серые глаза с янтарными крапинками были задумчивы. — Но последние несколько ночей мне снятся странные сны.

— Какие?

— Я стою на площади. Такой же, как в твоём первом сне — помнишь? Город Трёх Лун, жемчужные дома, золотистый туман. Но теперь на площади не обелиск. Теперь там... зеркало. Огромное зеркало, в котором отражаюсь не я. В нём отражаются все люди сразу. Тысячи, миллионы лиц. И все они спят. А над ними... — она запнулась.

— Что над ними?

— Кто-то стоит. Кто-то, кого я не могу разглядеть. Он прекрасен — прекрасен той красотой, которая вызывает тревогу. И он что-то шепчет. Что-то, от чего спящие лица искажаются. Начинают кричать. Плакать. Превращаться...

— Во что?

— В чудовищ.

«Сон — это единственные врата в бессознательное», — писал Зигмунд Фрейд. Он считал, что сны — это «королевская дорога» к пониманию скрытых желаний, страхов, травм. Юнг пошёл дальше: он говорил о коллективном бессознательном — общем для всего человечества слое психики, населённом архетипами. Сны, по Юнгу, — это не просто личные послания. Это мосты между индивидуальной душой и всеобщим разумом.

Но что, если мост работает в обе стороны? Что, если через сны можно не только получать послания, но и отправлять их? Что, если существует сила, способная проникнуть в коллективное бессознательное и отравить его?

«Сон разума порождает чудовищ», — написал Франсиско Гойя на офорте из серии «Капричос». Он имел в виду другое: что без разума, без просвещения человек скатывается во тьму предрассудков и страхов. Но что, если разум не просто спит? Что, если его усыпили намеренно?

Вечером того же дня в саду собрались наши друзья.

Такшака, Наг-мудрец, сидел на траве, скрестив ноги, и его плащ из лунного шёлка серебрился в сумерках. После битвы в микромире он стал чаще бывать у нас — говорил, что земной воздух полезен для его чешуи, но я знал: он просто скучает. Адитья, Гаруда-воин, устроился на ветке дуба, сложив золотые крылья. Его сапфировый нагрудник тихо пульсировал, отражая

закатное небо. Синга, наш лев с лунной гривой, лежал у ног Алисы и мурлыкал, как гигантский кот. Ригден Джапо не смог прийти — Шамбала требовала его присутствия, — но прислал с Такшакой амулет: маленькое зеркальце в оправе из лунного камня.

— Это Зеркало Истины? — спросила Алиса, беря подарок в руки. — То самое, что Такшака показывал нам в сокровищнице?

— Оно самое, — подтвердил Наг. — Ригден Джапо сказал, что оно может пригодиться. Зеркало показывает не лицо, а душу. Оно поможет отличить правду от иллюзии.

— От иллюзии? — переспросил я. — Дхума повержен. Какие ещё иллюзии?

— Не иллюзии, — тихо ответил Такшака. — Сны.

И он рассказал.

Оказывается, последние недели в Шамбале тоже происходило странное. Махатмы, Учителя, которые годами медитировали, не зная тревог, начали видеть кошмары. Им снилось, что они теряют просветление. Что свет, который они накапливали столетиями, утекает, как вода сквозь пальцы. Что они снова становятся обычными людьми — со страхами, гневом, завистью. Некоторые просыпались в слезах. Некоторые не могли уснуть вовсе, боясь возвращения кошмаров.

— Это не просто сны, — сказал Такшака. — Это вторжение. Кто-то атакует ноосферу.

— Ноосферу? — переспросила Алиса. — Сферу разума?

— Да. — Наг кивнул. — Ноосфера — это оболочка Земли, состоящая из мыслей, идей, образов. Её существование предсказал ещё Вернадский. Он писал, что человечество становится геологической силой — не только физически, но и ментально. Все наши мысли, все наши сны, все наши страхи и надежды попадают в ноосферу. И если кто-то научится ею управлять...

— ...он сможет управлять всем человечеством, — закончил я.

— Именно. Тот, кто контролирует сны, контролирует души. И тот, кто сейчас атакует ноосферу, знает это лучше всех.

— Кто он? — спросила Алиса.

Такшака помолчал. Потом тихо произнёс:

— Мы не знаем его имени. Но мы знаем, как он себя называет. Архитектор Снов.

Ночь опустилась на сад, и мы разошлись по комнатам. Алиса легла спать первой — она устала после долгого дня. Я сидел рядом, держа её за руку, и смотрел, как мерцает золотой огонёк Адити на её груди.

— Ты будешь охранять мой сон? — прошептала она, уже засыпая.

— Как всегда, — ответил я.

— Тогда мне не страшно.

Она закрыла глаза, и её дыхание стало ровным. Я активировал Аджну — синюю сферу между бровей — и настроился на её сознание. Я не читал мысли — это было бы вторжением. Я просто держал связь, как держат за руку в темноте.

И через несколько минут я почувствовал это.

Сначала — лёгкое колебание, как рябь на воде. Потом — волна, идущая откуда-то извне. Она была... прекрасной. Это первое, что я ощутил. Она не была похожа на грубую силу Вритры или на холодную ненависть Аннигила. Она была тонкой, изящной, как музыка. Она обещала покой, наслаждение, исполнение желаний. Она была соблазном.

И она проникала в сознание Алисы.

Я закрыл глаза и нырнул следом — не физически, а через пятую сферу, Вишудху, которая управляла телепатией. Сон Алисы раскрылся передо мной, как цветок.

Она стояла на той самой площади из моего сна. Город Трёх Лун — жемчужные дома, золотистый туман, три луны в небе: алая, лиловая и серебряная. Но теперь на площади действительно стояло зеркало — огромное, в полный рост, в оправе из кости и перламутра.

В зеркале отражалась не Алиса. В нём отражались лица. Сотни, тысячи, миллионы лиц — мужчины, женщины, дети, старики. Все они спали. Их глаза были закрыты, их губы были безмолвны. Но их лица... их лица искажались. Как будто кто-то невидимый натягивал нити, заставляя их гримасничать, кричать, плакать.

Над зеркалом стоял Он.

Архитектор Снов.

Он был прекрасен. Высокий, тонкий, с кожей, отливавшей лунным серебром. Его глаза были без зрачков — сплошная синева, глубокая, как вечернее небо. Его одежды были сотканы из сновидений: они постоянно менялись, переливались, как мыльные пузыри. На голове его сияла корона — но не из света, как у Ушас, и не из тьмы, как у Вритры. Его корона была из... образов. Из крошечных, живых картинок, которые кружились вокруг его головы, как планеты вокруг звезды. Я видел в них лица, пейзажи, сцены — обрывки чужих снов, которые он носил как украшение.

— Ты пришёл, — произнёс он, и его голос был похож на колыбельную, от которой хочется закрыть глаза и уснуть навсегда. — Я знал, что ты придёшь. Пробуждённый. Тот, кто видит сны наяву.

— Кто ты? — спросил я.

— У меня много имён, — ответил он, улыбаясь. — В ваших легендах меня называли Морфеем, богом снов. В других культурах — Маарой, духом кошмаров. В тибетских текстах — Владыка Бардо, промежуточного состояния между жизнью и смертью. Но ты можешь звать меня Архитектором. Я строю сны. Я создаю миры, в которых вы, люди, проводите треть своей жизни. Я — тот, кто дарит вам отдых. Кто дарит вам фантазии. Кто дарит вам надежду.

— И кто превращает надежду в кошмар, — добавил я. — Я видел лица в зеркале.

— Кошмар — это тоже дар, — возразил Архитектор. — Кошмар учит. Кошмар предупреждает. Кошмар показывает то, что вы боитесь увидеть наяву. Но вы, люди, не цените моих даров. Вы глотаете снотворное, чтобы уснуть, и антидепрессанты, чтобы проснуться. Вы отгородились от своих снов стеной из химии. И я... я решил напомнить вам о себе.

— Напомнить? Ты называешь это напоминанием? Люди сходят с ума от твоих «напоминаний»!

— Они не сходят с ума, — мягко поправил Архитектор. — Они освобождаются. Разум — это клетка. Сон — это ключ. Я даю им ключ. А то, что они видят, открыв дверь, — это уже не моя вина. Это их собственные демоны. Я только выпускаю их наружу.

«Кошмар — это не враг, — писал Карл Густав Юнг. — Кошмар — это послание. Он приходит, чтобы сказать тебе то, что ты отказываешься слышать днём». Архитектор, при всей своей жуткой красоте, был прав в одном: кошмары несут послание. Но он умалчивал о другом. Он умалчивал о том, что послание можно исказить. Что ключ может не открыть дверь, а сломать замок. Что освобождение без подготовки — это не освобождение. Это разрушение.

«Свобода — это не отсутствие ограничений, — писал психолог Эрих Фромм. — Свобода — это способность выбирать свои ограничения». Архитектор не давал выбора. Он взламывал сны и оставлял людей один на один с их демонами, без проводника, без защиты, без карты. Это была не свобода. Это была пытка.

Архитектор протянул руку к зеркалу, и одно из спящих лиц — лицо молодой женщины — исказилось в крике.

— Зачем ты это делаешь? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Если ты — бог снов, зачем тебе мучить смертных? Мы же ничто по сравнению с тобой.

— Ничто? — Архитектор улыбнулся. — О, нет. Вы — не ничто. Вы — топливо. Каждый кошмар, который я создаю, питает меня. Каждая слеза, пролитая во сне, — это энергия. Каждый крик, который не может вырваться из спящего горла, — это сила. Я стар, Пробуждённый. Я старше, чем твои Адиты. Я старше, чем твои элементали. Я был здесь, когда первые

люди заснули и увидели первый сон. И я питался их снами тысячелетиями. Но теперь... теперь человечество стало слишком защищённым. Ваши психологи придумали терапию. Ваши психиатры придумали таблетки. Ваши эзотерики придумали осознанные сновидения. Вы перестали бояться. И я... я голоден.

— Значит, ты просто паразит, — резюмировала Алиса. Её голос прозвучал неожиданно — я не заметил, как она подошла. Во сне она выглядела так же, как наяву: платье из лунного шёлка, золотой огонёк на груди, родинка на левой скуле. Только глаза изменились: серые с янтарными крапинками, они теперь горели холодным, спокойным гневом. — Паразит, который питается чужим страхом.

— Паразит? — Архитектор впервые показал эмоцию — лёгкую тень раздражения. — Это грубое слово. Я бы предпочёл «симбионт». Я даю вам сны — вы даёте мне страх. Это был честный обмен. Тысячелетиями он работал.

— Но теперь ты хочешь большего.

— Теперь я хочу вернуть своё. Вы, люди, пытаетесь контролировать свои сны — осознанные сновидения, люцидные сны, астральные проекции. Вы вторглись в мою территорию. И я... — он сделал паузу, — я решил вторгнуться в вашу.

В этот момент я почувствовал, как в сознание Алисы проникает что-то ещё. Не только Архитектор. Его слуги. Прекрасные психические существа, сотканные из самого вещества снов. Они были похожи на ангелов — но ангелов, у которых отняли крылья и заменили их лезвиями. Их лица были гармоничны, их движения — грациозны, их голоса — мелодичны. Но от них веяло холодом. Холодом, который проникал в мысли и замораживал их.

— Это Ониры, — пояснил Архитектор. — Мои дети. Каждый из них — это чей-то забытый кошмар, который обрёл самостоятельность. Они помогут мне... убедить вас.

Ониры окружили нас. Их было много — десятки, может, сотни. Они кружились, как хоровод, и их движение создавало гипнотический ритм, от которого хотелось закрыть глаза и поддаться.

— Артём! — голос Алисы прорвался сквозь гипнотический ритм. — Не смотри на них! Они используют психическую атаку!

Я встряхнул головой и активировал Аджну. Синяя сфера вспыхнула, и пелена гипноза рассеялась. Я увидел Ониров такими, какими они были на самом деле: не прекрасными ангелами, а искажёнными, изломанными сущностями, чья красота была лишь маской.

— Ты прав, — сказал я Архитектору. — У людей действительно есть психологи, психиатры, эзотерики. Но у нас есть и кое-что ещё.

— Что же?

— Друзья.

В этот момент ткань сна разорвалась.

В небе — если в этом сне вообще было небо — возникла трещина. Из неё вылетел Адитья, Гаруда-воин. Его золотые крылья сверкали даже во тьме чужого кошмара. За ним следовал Такшака — его плащ из лунного шёлка развевался, а трезубец сиял ядом, способным парализовать даже психическую сущность. Синга прыгнул сквозь разлом и приземлился рядом с нами, закрывая нас своими крыльями из семицветного света.

— Как вы... — начал я.

— Зеркало Истины, — ответил Такшака. — Когда вы уснули, оно засияло. Мы поняли, что вы в опасности.

— И мы не могли оставить вас одних, — добавил Адитья. — Гаруды не бросают друзей. Даже во сне.

— Особенно во сне, — уточнила Алиса.

Архитектор смотрел на новых гостей с выражением, которое я не мог расшифровать. Удивление? Раздражение? Любопытство?

— Гаруда, — произнёс он. — Наг. И... что это за существо? — он указал на Сингу.

— Это Синга, — ответила Алиса. — Наш страж. Созданный из любви. Ты питаешься страхом. Он питается любовью. Угадай, кто сильнее?

Синга взревел, и его лунная грива засияла так ярко, что несколько Ониров, ближайших к нам, рассеялись, как утренний туман.

— Впечатляет, — признал Архитектор. — Но этого недостаточно. Вас — пятеро. А моих детей — легион.

— Ты забываешь о кое-чём, — сказал я. — Это наш сон. Наша территория. И мы устанавливаем здесь правила.

Я активировал все семь сфер одновременно. Красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый — семь огней слились в Первый Луч. Алиса сделала то же самое. Наши лучи соединились, и вокруг нас возник купол — не из света, а из осознанности. Из воли. Из любви.

Ониры, пытавшиеся прорваться сквозь купол, отшатывались. Их гипнотические голоса превращались в визг.

— Осознанное сновидение, — прошептал Архитектор. — Вы используете осознанное сновидение.

— Да, — ответила Алиса. — Ты сам сказал: люди научились контролировать свои сны. Мы — научились. А теперь научим и тебя.

— Чему?

— Что кошмар — это не оружие. Кошмар — это просьба о помощи.

«В каждом кошмаре скрыта попытка исцеления, — писал психоаналитик Дональд Винникотт. — Психика создаёт пугающие образы не для того, чтобы мучить нас, а для того, чтобы привлечь внимание к проблеме, которую мы игнорируем». Архитектор извратил этот механизм. Он использовал кошмары не для исцеления, а для питания. Но принцип оставался тем же: за каждым монстром стоит боль. За каждым криком — невысказанная правда. За каждым страхом — потребность в любви.

«Где был Ид, там станет Эго», — писал Фрейд. Где было бессознательное, там станет сознание. Архитектор хотел, чтобы люди оставались в бессознательном — беспомощные, напуганные, питающие его своей энергией. Мы хотели обратного: принести свет осознанности в самые тёмные уголки психики. Не для того, чтобы уничтожить тьму. Для того, чтобы исцелить её.

— Ты проиграл, Архитектор, — сказал я. — Не сегодня. Не здесь. Уходи. И оставь людей в покое.

— Или что? — он усмехнулся. — Вы убьёте меня? Бога снов нельзя убить. Сны существовали до меня и будут существовать после. Я — лишь их воплощение. Если исчезну я, появится другой Архитектор. Может быть, хуже меня.

— Мы не хотим тебя убивать, — сказала Алиса. — Мы хотим тебе помочь.

— Помочь? — он рассмеялся, но в его смехе уже не было уверенности. — Чем вы можете помочь мне?

— Ты голоден, — ответила она. — Ты сказал, что питаешься страхом. Но страх — это не единственная эмоция, которую порождают сны. Есть ещё радость. Удивление. Восторг. Любовь. Ты можешь питаться ими.

— Я не умею, — тихо признался Архитектор. — Я пробовал. Но радость... она ускользает. Она не поддаётся контролю. Страх — другое дело. Страх можно вызвать щелчком пальцев. У каждого есть страх. У каждого есть то, чего он боится больше всего на свете. Это надёжно. Это предсказуемо. Это...

— Это скучно, — перебил я. — Ты тысячелетиями питался одним и тем же. Неудивительно, что ты стал тем, кем стал. Но попробуй что-то новое. Попробуй радость.

— Как?

— Мы покажем тебе.

Я протянул ему руку.

Архитектор колебался. Его Ониры замерли, ожидая приказа. Его синие глаза, бездонные, как вечернее небо, смотрели на мою ладонь с недоверием.

— Ты действительно предлагаешь мне... руку? — спросил он.

— Да.

— После всего, что я сделал?

— Я не говорю, что это будет легко. Я не говорю, что мы забудем. Но мы можем попробовать.

Он медленно, очень медленно, протянул свою руку — тонкую, серебристую, сотканную из сновидений, — и коснулся моей ладони.

В этот момент я активировал Анахату — зелёную сферу сердца. Я не стал атаковать. Я просто... поделился. Я показал ему свои сны. Не кошмары — их у меня почти не осталось. Я показал ему сны о саде. О яблоках, падающих в траву. О закатах, которые мы с Алисой встречали на крыльце. О битвах, в которых мы побеждали — не врагов, а собственные страхи. О друзьях, которые всегда приходили на помощь. О любви, которая не кончалась.

Архитектор застыл. Его лицо, прекрасное и холодное, дрогнуло. Синие глаза расширились, и в них впервые отразилось что-то, кроме пустоты.

— Это... это то, что вы чувствуете? — прошептал он. — Это и есть радость?

— Это любовь, — поправила Алиса. — Радость — это только её часть.

— Я не знал, — сказал он. — Я не знал, что можно так.

Архитектор ушёл.

Не исчез, как Вритра, не аннигилировал, как Аннигил. Просто ушёл — вглубь своих собственных снов, унося с собой Ониров. Он сказал, что попробует. Попробует питаться радостью. Попробует измениться. Мы не знали, получится ли у него. Но мы знали, что дали ему шанс.

Когда мы проснулись, солнце уже вставало над садом. Яблони цвели. Лепестки кружились в воздухе, оседая на траву. Алиса лежала рядом, и её золотой огонёк на груди горел ровно.

— Ты видел то же, что и я? — спросила она.

— Архитектора? Да.

— Он действительно изменится?

— Не знаю. Но я знаю, что мы сделали всё, что могли.

— Этого достаточно?

— Этого всегда достаточно, — ответил я. — Потому что мы сделали это вместе.

Над садом, если приглядеться, сияли семь цветных колец. Но теперь к ним добавилось ещё одно — восьмое, серебристо-голубое, как вечернее небо. Кольцо Архитектора. Кольцо того, кто попробовал любовь — и не смог её забыть.

Глава 2. Бунт в королевстве грёз

Неделя после первой встречи с Архитектором

Майский вечер опустился на яблоневоый сад, как мягкое покрывало. Закат догорал за верхушками деревьев, окрашивая облака в оттенки розового кварца и аметиста, и в этом свете лицо Алисы, сидевшей на крыльце, казалось написанным старым фламандским мастером — тонкая работа светотени, золотистые блики в серых глазах, родинка на левой скуле, похожая на крошечную точку, поставленную кистью.

— О чём думаешь? — спросил я, садясь рядом.

— О том, что тишина — странная вещь. Когда она есть, мы ей не доверяем. Когда её нет — мечтаем о ней.

— Это потому, что мы с тобой слишком много пережили. Тишина для нас — не норма. Норма — буря.

— Наверное. — Она вздохнула и прижалась к моему плечу. — Архитектор ушёл, Ониры рассеялись, но я не чувствую покоя. Как будто что-то зреет. Что-то, что мы упустили.

— Что именно?

— Не знаю. Но, знаешь, есть такая фраза: «Сон разума порождает чудовищ». Это Гойя. А Юнг добавил бы: «И не только чудовищ. Сон разума порождает всё — и ангелов, и демонов, и тех, кто колеблется между». Мне кажется, мы имеем дело с теми, кто колеблется.

Она как в воду глядела.

«Сновидение — это королевская дорога в бессознательное», — писал Зигмунд Фрейд. Он видел в снах подавленные желания, прорывающиеся сквозь цензуру сознания. Юнг возражал: сны — это не только личное, но и коллективное. Архетипы, древние символы, общие для всего человечества, приходят к нам во сне, чтобы передать послание. «Сон — это маленькая дверь, ведущая в самые потаённые и самые глубокие покои души», — писал Юнг.

Но что, если эта дверь открывается в обе стороны? Что, если через неё можно не только выйти, но и войти? Что, если существуют те, кто научился проникать в наши сны — не для того, чтобы помочь, а для того, чтобы исказить?

Менталист Вольф Мессинг говорил: «Человеческий разум — это не крепость. Это сад. И тот, кто знает тропинки, может войти в него незамеченным». Ониры знали эти тропинки. И теперь, когда Архитектор, их создатель, отрёкся от них, они искали нового проводника.

Первые признаки появились на следующее утро.

Алиса проснулась раньше меня — что бывало редко. Она сидела на постели, обхватив колени руками, и смотрела в окно. Её лицо было бледным, а золотой огонёк Адити на груди пульсировал быстрее обычного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.